

WWW.UNILIB.RS

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

Ш О Д У Н А В К А.

№ 10.

У Суботу 30. Септембра.

1844.

НА ДАНЬ РОЂЕНЯ НЪГОВЕ СВЪТЛОСТИ

господара

АЛЕКСАНДРА КАРАЂОРЂЕВИЋА,

Кнѣза Србскогъ.

Поймо Срби Србства свѣтло,
Што разгана облакъ црнь,
Наше полъ чисти премило,
Свудъ сатире чкаль и трнь.

Александра поймо сложено сви,
Данасъ Му е дань рођенъ:
Крвь Му отца у прсима ври,
Србкньюмъ е одосенъ.

Доброта е Александеръ савъ,
За цвѣтъ милый Србства мре;
Али ипакъ Онъ е правый лавъ,
Што паклене злое тре.

Там' по мраку одъ Нѣг' пакла сынъ
Вѣчне ноћи крїе станъ,
Да процвѣта Србадіе кривъ —
Онъ презире сладкїи санъ.

Там' пастира надъ колеба' свудъ
Александра лебди ликъ,
Нит' Га страши кнѣша, вѣтаръ, студъ,
Нит' звѣрова лютый рикъ.

Неуморно чисти Срба садъ,
Што е отацъ почео,
Да г' негуши травурине смрадъ,
Што ѝ Бранковићъ посео.

У отцу е да! прерођенъ намъ,
Штоно сломи луни рогъ,
Србству съ чела сатре робства срамъ,
Наше славе диже стогъ.

Зато, роде, Александра пой,
Там' до звѣзда дж' Му летъ;

Некъ Му вѣнца украшава строй
Са дна твога срца цвѣть.

У Београду 29 Септембра 1844.

Алекса Десимировићъ.

ОКУШАЙ ГОРКЕ ВОДЕ.

(Конацъ.)

На послѣдку разломивши колачъ, запали га у олтару, па приближивши се Ђезельи, было е у намѣри учинити последнїи покушенї; но она се опетъ была натрагъ повукла са ужасомъ.

Онда Ассирь узме напрасно чашу и метавши е у руке Ђезельи, рекне ѿй гласомъ, кои е сама она као ужаснїи угрожай разумѣла:

„Пи! супруго Хофанова.“

Мале руке Ђезельине укоче се око те чаше и обривши се Хофану, кои ю е у суморномъ ѣтаню сматрао, она се простре на колена предъ нїимъ.

„Господару, рекне она плачући, да ю е само онъ чуо, до юче самъ васъ више путїи молила, да вамъ само неколико речїи, кое бы за едно тренуће ока трајало, саобштимъ, а вы сте ми свагда мою молбу неиспунїну одбили... Говори се, да е ваша воля да я умремъ... Я васъ любимъ и почитуемъ и при самой овой тврдо-срдной вољи вашој... Но у тренућу мога преселенїа къ Богу... дозволите ми, да васъ увѣримъ о мојој невиности; да она, кою сте вы почитовали вашимъ именовъ и вашимъ любви, умире садъ достойна имена вашегъ, безъ да е увредила невинность... Господару смилуйте се на мене!“

— А Амїель! Амїель! замула Хофанъ.

„О Амїель! Амїель! повтори Ђезеля... са прозношенїемъ тако сладкимъ и умилнымъ, да ѿй е Хофанъ, удаливши се одъ нѣ, у ярости повико:

„Пи ту воду, безчестно створенїи и прими награду за твой порокъ!“

Ова неправда оживила е жертву; она се съ колена подигне спокойно и благородно: „Народе Израилскій! повикне гласомъ, кога се одзвѣвъ повтаравао по свимъ столповима и угловима храма; така е дубока тишина у нѣму владала; народе Израилскій! вы люди, кои ме судите, и жене, коѣ ме слушате... предъ свима вама заклинѣмъ се, да самъ невина, да е мое срдце чисто, мое устне да су изузете сваке лажы... и... при свемъ томъ... я се страшимъ овогъ искушенія, ербо людско коварство може быти одъ васъ сматрано за пресуду Божию... Господи! прости моимъ неприятельима, као што имъ я праштамъ!“ Потомъ приносѣши своимъ устнама чашу, нагне ю и испіе све, што е у нѣой было, и красне очи нѣне подигнуте чакъ до свода храма спуштале су се полако и усмотриле су међу свимъ главама окружаваюћи ю людѣи одну недвижиму, нему, коя се чинила, да слуша, безъ да што чуе, и гледа, безъ да што види.

„Съ Богомъ Аміеле, повикне Ђезеля, съ Богомъ!“

— Садъ вы пите господару Хофане, рекне Ассирь, даваюћи другу чашу мужу.

У тренућу, кадъ е онъ хтѣо чашу своимъ устнама принети, Аміель, кои се покренуо са свога мѣста као стрела, и све оне, кои су му у томъ пролазку на путу были, на лево и десно отуриваюћи, приступи Ђезельи, и узевши ю у своя наручія, повикне:

„Сестро моя, сестро моя, тебе осућую!“

Сирота жена была е обнесѣвшѣна.

„Шта нѣгова сестра! повтори Хофанъ, коме се чаша изъ руку измакла и о патосъ храма разбили се.

— Ево! увѣри се, рекне му Аміель ладно, даваюћи му паргаментъ свое матере.

Хофанъ га прочита, быо е у очаѣнію, да е овай — Аміель — пошо можда нѣга, и прво-свештеника обтужити, што су смръть Ђезельи проузроковали; но Ассирь му лагано на уво рекне: „отровъ нѣ быо у нѣной чашы.“

„Да у којой е?“ упыта Хофанъ посртаюћи уплашень.

— У... нѣ одной... одговори жертвоприноситель, управивши очи на ону течность, коя се изъ Хофанове чаше по патосу храма разсула.

„О Ђезельо! обѣшъ ли ми моћи опростити, рекне Хофанъ, изражаваюћи свое дубоко и чувствително покаѣніе.

— Господару! одговори млада, красна супруга, любѣши му руку, кою іой е онъ быо пружіо; я самъ ваша, вы имате право располагати съ моимъ животомъ.

Хофанъ, наслонѣнъ на свогъ шурака и придржаваюћи Ђезельо, ишао е лагано изъ храма; онъ

е ишао съ уздигнутомъ главомъ, погледомъ гордымъ и грозећимъ, предъ великимъ жертвоприносителѣмъ, кои е быо свое пакостне очи погнуо, да негледа ону срећу, кою нѣ быо у станю разрушити; а народъ се разиђе по Ђрусалиму разглашаваюћи Ђезельо за побѣдительицу окушая горке воде. —

ЧЕХЪ И ЛЕХЪ.

(Съ Ческого одъ Т. Хорньва.)

Видите ли оне шарене гомиле людѣи, што се озбыльню тамо савію у западне краине? — Кажите, шта е то? — „Да неће быти ратна чета, коя носи смръть немирныма суседима?“ — Ђй та неоре се у тима гомилама боіовне песме, ни ти звечи тамо бритко оружѣ, него любиа попевка, и говоръ и смей пролећу овима дугимъ редовима, и детинѣ тороканѣ носи вечерный ветрићъ съ натоварены кола до ува пажљиве майке. — „А оно вальда се диго народъ, те носи побожне гласове на света места преко далеки путова?“ — Ђй та у то доба іонъ нѣе синула у онимъ краевима права слика божѣга света, ученѣ нѣгово іонъ се нѣе верныма являло; већ се народъ веселіо са детинѣскимъ, одъ дедова и отцева предаванима приповеткама о творцу тога света, и кланяо се доброме и зломъ, а слику обадвога правіо е себи у свакомъ краю, како му се допало.

За високе, црнимъ шумама покривене горе предъ очима ти чета сунце заилази. Ружична светлостъ, любивши вршке одъ стогодишньи растова и чамова, спусти се садъ на лаганима крилима на ту поляну и обасу многобройне гомиле. Гласови у шаренимъ редовима престаю, корачанѣ слаби. А напредъ, предъ четама на дивномъ бельцу ѣзди витезъ са избраномъ дружиномъ, баца наоколо погледе по умилной краини, те и чете мери, одъ кои се последньи удови іонъ губе у сумрачю околны шума. Доне се га беляць къ подножю високе горе, па и самъ стаде, као да бы пророчкимъ духомъ световати ктео господара: овде валя оданути! и юнакъ се окрене сильной дружины, „станимо!“ проговори звучнымъ гласомъ. Те одъ гомиле до гомиле, одъ грла до грла, лети гласно „станимо!“ и найпосле умире у шумской густини.

Новъ животъ пролети крозь то неизбредно мложтво. Збачене су тежкобе дневнога пу-

WWW.UNILIB.RS
УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

Ова неправда оживила е жертву; она се съ колена подигне спокойно и благородно: „Народе Израилскій! повикне гласомъ, кога се одзвѣвъ повторавао по свимъ столповима и угловима храма; така е дубока тишина у нѣму владала; народе Израилскій! вы люди, кои ме судите, и жене, коѣ ме слушате... предъ свима вама заклинѣмъ се, да самъ невинна, да е мое срдце чисто, мое устне да су изузете сваке лажн... и... при свемъ томъ... я се страшимъ овогъ искушенія, ербо людско коварство може быти одъ васъ сматрано за пресуду Божию... Господи! прости моимъ неприятельма, као што имъ я праштамъ!“ Потомъ приносѣши своимъ устнама чашу, нагне ю и испіе све, што е у нѣой было, и красне очи нѣне подигнуте чакъ до свода храма спуштале су се полако и усмотриле су међу свимъ главама окружаваюћи ю людій едну недвижиму, нему, коя се чинила, да слуша, безъ да што чуе, и гледа, безъ да што види.

„Съ Богомъ Аміеле, повикне Ёзелю, съ Богомъ!“

— Садъ вы пите господару Хофане, рекне Ассирь, даваюћи другу чашу мужу.

У тренућу, кадъ е онъ хтѣо чашу своимъ устма принети, Аміель, кои се покренуо са свога мѣста као стрела, и све оне, кои су му у томъ пролазку на путу были, на лево и десно отуриваюћи, приступи Ёзелю, и узевши ю у своя наручія, повикне:

„Сестро моя, сестро моя, тебе осућую!“

Сирота жена была е обнесвѣщѣна.

„Шта нѣгова сестра! повтори Хофанъ, коме се чаша изъ руку измакла и о патосъ храма разбили се.

— Ево! увѣри се, рекне му Аміель ладно, даваюћи му паргаментъ свое матере.

Хофанъ га прочита, было е у очаянію, да е овай — Аміель — пошо можда нѣга, и прво-свештеника обтужити, што су смръть Ёзелю проузроковали; но Ассирь му лагано на уво рекне: „отровъ нѣ было у нѣной чашн.“

„Да у којой е?“ упыта Хофанъ посртаюћи уплашенъ.

— У... нн. едной..., одговори жертвоприноситель, управивши очи на ону течность, коя се изъ Хофанове чаше по патосу храма разлила.

„О Ёзелю! обещъ ли ми моћи опростити, рекне Хофанъ, изражаваюћи свое дубоко и чувствително покаяннє.

— Господару! одговори млада, красна супруга, любећи му руку, кою іой е онъ было дружю; я самъ ваша, вы имате право располагати съ моимъ животомъ.

Хофанъ, наклонивъ на свогъ шурака и придржаваюћи Ёзелю, ишао е лагано изъ храма; онъ

е ишао съ уздигнутомъ главомъ, погледомъ гордымъ и грозећимъ, предъ великимъ жертвоприносителѣмъ, кои е было свое пакостне очи погнуо, да негледа ону срећу, кою нѣ было у стаю разрушити; а народъ се разиђе по брусалиму разгашаваюћи Ёзелю за побѣдительницу окушая горке воде. —

ЧЕХЪ И ЛЕХЪ.

(Съ Ческого одъ Т. Хорньва.)

Видите ли оне шарене гомиле людій, што се озбыльпо тамо савіяю у западне краине? — Кажите, шта е то? — „Да неће быти ратна чета, коя носи смръть немирныма суседима?“ — Ёй та небре се у тима гомилама боіовне песме, ни ти звечи тамо бритко оружѣ, него любна попевка, и говоръ и смей пролећу овима дугимъ редовима, и детинѣ тороканѣ носи вечерній ветрићъ съ натоварены кола до ува пажљиве майке. — „А оно вальда се диго народъ, те носи побожне гласове на света места преко далеки путова?“ — Ёй та у то доба іонъ ннє синула у онимъ краєвима права слика божѣга света, ученѣ нѣгово іонъ се ннє верныма являло; већ се народъ веселіо са детинѣскимъ, одъ дедова и отцева предаванима приповеткама о творцу тога света, и кланяо се добромє и зломъ, а слику обадвога правіо е себи у свакомъ краю, како му се допало.

За високе, црнимъ шумама покривене горе предъ очима ти чета сунце заклази. Ружична светлостъ, любнувши вршке одъ стогодишннѣ растова и чамова, спусти се садъ на лаганима крилима на ту поляну и обасу многобройне гомиле. Гласови у шаренимъ редовима престаю, корачанѣ слаби. А напредъ, предъ четама на дивномє бельцу ездн витезъ са избраномъ дружиномъ, баца наоколо погледе по умилной краини, те и чете мери, одъ кои се последннѣ удови іонъ губе у сумрачю околны шума. Доне се га беляць къ подножю високе горе, на и самъ стаде, као да бы пророчкимъ духомъ световати ктео господара: овде валя оданути! и юнакъ се окрене сильной дружини, „станимо!“ проговори звучнымъ гласомъ. Те одъ гомиле до гомиле, одъ грла до грла, лети гласно „станимо!“ и наипосле умире у шумской густини.

Новъ животь пролети крозь то неизброевно млоажтво. Збачене су тежкоће дневнога пу-

Окрену се и поћу даљ узъ гору. Витезь тавнога лица неодговори ништа, привати дакле опетъ првый: „Брате, насъ е една майка подъ срцемъ носила. Едномъ сисомъ, едномъ любави были смо залагани, у одной любави одрасли смо — брате, заръ те писамъ увекъ братски любіо? Заръ мислишь, да я држимъ, да самъ болый, што ме е народъ у овоме поласку одъ прастаре постойбине за воћу изабрао? Голый е случай све одредіо. Тебе као и мене почитую народни мудраци, и едаке имамо у очима народа заслуге. Ил самъ ти можда на томе другомъ путу и едномъ речи показао, да себе држимъ за господара — ? о брате, говори?“

Али братъ неговори. Са главомъ спуштеномъ, зенице у камениту стазу запирући, и усне силно стискуюћи, корачаше на гору. А у брату са огнивымъ очима, зачне крвь такође кипити. Тежко му е падало братово тврдоглавство. „Богови некъ ти опросте,“ рече, „што жалости мојой толико іошь ране додаеш! Твое добро срце, ма и честолюбиво, нека те увери и утврди, да баръ на гласъ богова више пазишь, него на речъ братову. И зато невременомъ непристойности немой ій врећати, ма да си науміо мене жалостити, него се послушно осланий на нѳіову пресуду.“

(Продуженіе слѣдує.)

ЗНАТНИ ПОТУРЧЕНИЦИ ИЗЪ ЮЖНО-СЛАВЕНСКОГЪ НАРОДА.

(Конацъ.)

Другій Славенскій Великій Везиръ Махомеда III. звао се Яусъ-Али-Паша (1604), рођеный Бошнякъ, изъ славне фамиліе Малковића. Осимъ овога као Адмиралъ Халилъ, названый освоитель, родомъ изъ Босне, и учени Шеици Алидеде, у Босни рођенъ, а кодъ Сигета саранѳнъ, и Печеви, Славонацъ; првый сачинитель Еваяла, т. е. дѣла о уставницима политичны урећенія и истражителнима наука и заната, а последній славный бытіеписатель Османа.

Подъ Ахмедомъ I. было е Великій Везиръ Назу-Паша (1614), сынъ едного Бугарскогъ Христіянина Кумулдина. Велику и знатну ролу у едно исто време играли су: Бо станци-Паша, Дубровчанинъ, и сынъ едного Хрваћанина, Адмиралъ Піяле, кон е Бегъ одъ Александрије онда быо.

Подъ срећнымъ Османомъ II. (1618), кога е Гундулићъ у свомъ пѣсмотворству обезсмртио, владао е као Великій Везиръ Хрваћанинъ Давер-Паша, кога е Сиръ Томасъ као озбыльногъ, умѣреногъ и мудрогъ мужа изображавао.

Онъ е у буни Яничара заедно са Султаномъ Османомъ погинуо 1612.

Найпосле налазимо подъ Мустафомъ I. и Муратомъ IV. осимъ други велики достойника опетъ Велике Везире: Дауд-Пашу, Бошняка, на заповестъ иѳгову быо е Султанъ Османъ II. убиенъ, и Хозрев-Паша, такођеръ изъ Босне, когъ низврженіе и убиеніе врло е опасну буну између Яничара у Діярбекиру и малой Азиі проузроковало.

Сва ова доведе наведена, мыслимъ да ће довољна быти, за подкрѣпити рѣчи великого источного повѣствователя Хамера, кон вели: „Да е Османско царство на суву и на води не Турскомъ суровошћу и нерѣшителношћу, но Славенскомъ и Грчкомъ финошћу, лукавствомъ, неустрашимошћу, невѣрношћу (само Грцима свойственомъ), постоянствомъ и храброшћу, као и талантима жителя освоены (по већей части Славенски) земаля као коло узростло, коє превозмоћіемъ своимъ подарми силне народе, кон су чрезъ потурченике и робскомъ мысли свою собствену утробу распорили и разчупали.“

Бераръ.

ИСКРИЦЕ.

ХІІ.

О землю, о добра и неуморена наша майко, ты своимъ любезнымъ гласомъ насъ зовешъ да съ тобомъ сыновно живимо, и да дарове твоє съ нашимъ зноенѳмъ умножимо. Али по несрећи мы мало радимо за лѣпоту твога и за наше добро; незнамо да е све едно користъ и лѣпота права. Оно што невино весели очи наше, оно уздиже мысли, животь тѣлесный и душевный.

Да е земля твоя, домовино моя бѣдна, као повѣтарце твоє, было бы у теби сакупљне лѣпоте Талиянскога и Грчкога поля. Али земля е твоя, као глава безъ власій, као кости едва покривене кожомъ жуткастомъ. Планине наше су као слика стая нашего. Гдѣ воде нема, онде валя да зной людскій свакій груменъ наводни. Наши стари іоште се спомыню времена, кадъ ніе было небо, као сада, говоздено, и глуво за молитве наше. Ако млада шумица опетъ некачне расти на горама нашимъ опуштенимъ, и ако мало зелени, као знакъ наданя, непочне зелени ти се предъ очима нашимъ, тада ће све то сувль и невеселіе быти баптине и душе наше. Али мы одъ туѳинаца узимамо цвѣће а не стабла, хальине а не плугове, рѣчи а не ствари, што е неваляло а не што е потребно. Тврди смо и охоли за добро, понизни за зло.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Книгопечатни у Београду.